

А.И. Пишняк

НИУ ВШЭ, Москва

Н.В. Халина

НИУ ВШЭ, Москва

Е.А. Назарбаева

НИУ ВШЭ, Москва

А.Р. Горяйнова

НИУ ВШЭ, Москва

Уровень и профиль хронической бедности в России¹

Аннотация. Эксперты, работающие с темой бедности, сходятся во мнении, что группа малоимущих – весьма неоднородная. В зависимости от длительности пребывания в бедности можно выделить в ее составе так называемых хронически и временно бедных. Доходы первых долгое время остаются на уровне ниже существующей линии бедности, положение вторых изменчиво – вырвавшись из бедности на какой-то период времени, их существенная часть рискует вновь столкнуться с проблемой низких доходов. Для оценки распространения хронической и преходящей бедности разработаны различные методики, как с использованием панельных, так и срезовых данных. После подробного рассмотрения возможностей и ограничений альтернативных подходов в данной работе проводится анализ хронической бедности в России, выполнить который позволяют данные РМЭЗ НИУ ВШЭ. С опорой на опыт предшествующих исследований оценивается доля хронически бедного населения в соответствии с методикой, принятой в европейских странах, также внимание уделяется профилю хронической бедности. Полученные результаты сопоставляются с уже имеющимися данными об уровне хронической бедности в странах Европы.

Ключевые слова: бедность, хроническая бедность, преходящая бедность, панельные исследования, доходы населения, социальная политика.

Классификация JEL: C00, R20, I32.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-50-2-3

Введение

Проблемы бедности традиционно интересуют исследователей, работающих в поле социальной политики. Существует ряд методик, позволяющих оценить численность малоимущих, причем каждая имеет свои преимущества и недостатки (подробнее о подходах к оценке уровня бедности см., например, (Laderchi, Stewart, Saith, 2003)). Абсолютный подход предполагает сравнение доходов населения со стоимостью минимально необходимого объема товаров и услуг и признание бедными тех, чьи доходы оказываются ниже этого минимума. Относительный опирается на расчеты с использованием линии бедности, оцененной как заданный процент (как правило, 50 или 60%) от медианного дохода населения. Помимо этого, существует набор немонетарных подходов, при применении которых критерии выделения бедных предполагают работу не с показателями доходов в денежном

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

выражении, а с субъективными оценками собственного положения населением или с оценками лишений, с которыми сталкиваются домохозяйства. Опубликованы работы, демонстрирующие сходства и различия в результатах использования этих подходов (данные о России см., например, (Овчарова и др., 2014; Тихонова, Слободенюк, 2014)). Однако их общей чертой является анализ данных в одном временном интервале. Иными словами, они отвечают на вопрос, кто является бедным прямо сейчас, на момент опроса, и игнорируют длительность пребывания в бедности.

Ответом на это стало развитие нового поколения работ о бедности, в фокусе которых оказалось деление на бедность хроническую (или длительную) и бедность преходящую, ситуационную, связанную с какими-либо шоками, которые выталкивают семьи за черту бедности и которые впоследствии им удастся преодолеть (например, (Whelan, Layte, Maître, 2003; Carter, Barrett, 2006; и др.)). Различение этих видов бедности показывает, насколько неоднородна группа малоимущих, а также позволяет утверждать необходимость разных способов решения проблемы бедности – в зависимости от того, о какой группе бедных идет речь.

Россия не стала исключением: интерес к длительности пребывания в бедности в целом и к хронической бедности в частности, как мы покажем далее, возникал неоднократно. Однако значительная часть работ по этой теме опирается на данные за 1990-е годы и начало 2000-х годов (Спрысков, 2000; Воронин и др., 2013; Тихонова, Слободенюк, 2014). С этого времени до текущего момента российская бедность претерпела ряд трансформаций. Изменился ее уровень – от 29% в 2000 г. до 12,3% населения в 2019 г., и ее профиль – от бедности пожилых к детской бедности (Овчарова и др., 2014). Вместе с тем были приняты новые меры, ориентированные на борьбу с бедностью, а ориентир на ее двукратное сокращение стал одной из приоритетных национальных целей².

В условиях пандемии коронавирусной инфекции и связанных с ней изменений в занятости населения вопросы борьбы с бедностью стали еще острее. Пакет мер поддержки³ позволил компенсировать часть потерь семьям с детьми, но снижение благосостояния в новых экономических условиях оказалось неизбежным. При этом в списке национальных целей развития, достижение которых теперь будет оцениваться в 2030 г.⁴, – сокращение бедности по-прежнему занимает свое место и является одной из самых амбициозных задач России.

Все перечисленное обуславливает актуальность анализа данных о бедности. Причем важным представляется сопоставление оценок, полученных в разных методологических парадигмах. Для решения этой задачи в данной работе используются методики выделения хронически бедного населения, применяемые агентством Евростат.

² Более подробно о мерах борьбы с бедностью см., например, <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/34>

³ Более подробно о мерах борьбы с бедностью в условиях пандемии коронавирусной инфекции см., например, http://government.ru/support_measures/

⁴ В соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

В данной работе мы последовательно рассмотрим теоретические основания выделения хронической и преходящей бедности, охарактеризуем возможности ее количественных оценок на разных данных, а затем покажем, какова доля хронически бедного населения в России, кто входит в его состав и насколько ситуация с хронической бедностью близка сегодня к ситуации в зарубежных странах.

1. Бедность хроническая и преходящая

Эксперты, вовлеченные в исследования бедности, подчеркивают неоднородность группы малоимущих, выделяя в ее составе тех, кто страдает от так называемой хронической бедности (*persistent или chronic poverty*), и тех, кто сталкивается с бедностью преходящей, или ситуативной бедностью (*transitory или transient poverty*) (Carter, Barret, 2006). Первые находятся в числе малоимущих долгое время, вторые – теряют доход или часть дохода в силу определенных проблем, которые впоследствии удастся преодолеть.

Важность разделения хронически и ситуационно бедных обусловлена несколькими причинами. В первую очередь могут различаться факторы, которые приводят к попаданию в каждую из категорий бедных. Как следствие, представители этих групп малоимущих требуют разного подхода при оказании социальной поддержки. И наконец, понимание того, как формируются эти группы и какова их численность, может помочь создать условия, обеспечивающие равный выигрыш всех представителей населения от экономического роста (Baulch, Hoddinott, 2000).

В отечественных исследованиях вопрос гетерогенности группы малоимущих с точки зрения длительности пребывания в бедности также не остается без внимания, однако термины в этой области исследований различаются. Например, речь идет о таких явлениях, как «бедность слабых» и «бедность сильных». Первая обусловлена составом домохозяйств и, как правило, имеет затяжной характер. Основной же формой поддержки семей этой категории является оказание им адресной материальной помощи. В противоположность этому «бедность сильных» – ситуация, когда высокопроизводительный работник, сохраняя свою производительность, временно не может обеспечить себе необходимый уровень доходов (Гордон, 1994).

От описанной типологии отличается классификация бедных, предложенная Н.Е. Тихоновой. Все они могут быть разделены на четыре группы: на тех, кто оказался в ситуационной, плавающей, хронической и многопоколенной бедности. Первые попадают за черту бедности в силу случайных причин, после чего им удается восстановить свой уровень доходов. Плавающая бедность описывает ситуации, при которых человек долгое время живет в условиях ограниченных ресурсов, вследствие чего его доходы оказываются то ниже, то выше черты бедности. Бедность застойная, или хроническая, предполагает, что

человек годами остается малоимущим, что приводит к изменению его образа жизни и круга общения и, в итоге, способствует формированию многопоколенной бедности и возникновению андеркласса (Тихонова, 2014).

Каковы причины того, что люди попадают в различные категории бедных: кто-то оказывается в этом статусе только временно, а другие становятся бедными надолго? Исследователи бедности обращают внимание на то, что причиной вхождения в ряды малоимущих являются такие события, как изменение в положении на рынке труда и уровне доходов членов домохозяйства, изменение нетрудового дохода или состава семьи. Все они с разной вероятностью влияют на то, что семья пополняет ряды малоимущих. Так, используя эмпирические данные, британские исследователи показали, что наиболее важными являются события, ожидаемо связанные с изменением доходов членов семьи, — именно они в большинстве случаев являются триггерами как для попадания, так и для выхода из бедности. Менее распространено, но также значимо влияет, изменение состава семьи (например, взросление детей, заключение брака главой семьи или развод членов семьи, рождение детей и т.д.). Однако чаще такие события выталкивают семьи за черту бедности, а не позволяют выйти из категории малоимущих (Jenkins, Kerm, 2014).

Другая группа британских исследователей фокусировалась на рисках бедности для занятого населения. Они сравнили риски и траектории попадания в бедность населения трудоспособного возраста и занятого населения. Авторам удалось показать, что занятое население отличает большая изменчивость бедности (*transitory poverty*): доля тех, кто становится бедным и выходит из бедности, выше доли тех, кто остается малоимущим. В разрезе различных социально-демографических групп наибольшая доля временно бедных отличает занятых молодых людей (в возрасте 16–29 лет), а надолго остаются бедными чаще домохозяйства с одним занятым, одинокие респонденты и жители определенных регионов (Hick, Lanau, 2018).

Европейские обследования демонстрируют аналогичные тенденции. Анализируя данные шведского исследования «Longitudinal Dataset on Individuals» за 1996–2007 гг., автор сравнивает роль различных событий для попадания в ряды бедных и выхода из бедности в жизни коренного населения страны и мигрантов. Среди причин попадания в категорию бедных лидирует снижение трудового дохода и уменьшение других денежных трансфертов. Также на попадание в состав бедных влияет потеря работы и увеличение числа незанятых в домохозяйстве. Выход из бедности, как правило, обусловлен динамикой доходов: ростом трудового дохода, увеличением других денежных трансфертов (Obućina, 2014).

Анализ динамики бедности позволяет изучить не только причины попадания в ряды малоимущих, но и специфику профилей хро-

нически и ситуационно бедных. Исследователям уже удалось показать, что к хронической бедности приводят те же факторы, что и к бедности в целом. В то же время характеристики тех, кто сталкивается с преходящей бедностью, отличаются. Так, например, социально-демографический профиль семьи (размер, возраст детей в ее составе и др.), состояние здоровья и уровень образования влияют только на риски хронической бедности, а проживание в труднодоступных районах – только на уровень преходящей бедности. В целом же авторы отмечают, что вопросы преходящей бедности заслуживают отдельного изучения (Jalan, Ravallion, 2000).

Обобщая результаты исследований различных типов бедности, исследователи выделяют такие особенности домохозяйств, сопутствующие хронической бедности, как низкий уровень человеческого капитала (понимаемый и как наличие образования, и как наличие базового уровня грамотности), демографические факторы, место проживания, доступ к физическим активам (например, земельным участкам), статус занятости (Mckay, Lawson, 2003).

Несмотря на прозрачность логики, используемой для выделения хронически и временно бедного населения, стоит отметить существование различных стратегий выделения этих групп на этапе работы с данными опросов.

2. Методики выделения хронически и ситуационно бедных за рубежом

Чтобы оценить, как долго человек или семья остаются за гранью бедности, наиболее логичным представляется использование панельных данных. Все исследования, основанные на работе с панельными данными, можно разделить на две группы (Mckay, Lawson, 2003):

- 1) работа с периодами (spells) пребывания бедности;
- 2) работа с компонентами (components) бедности.

В первом случае устанавливается период времени длительностью несколько лет, для каждого человека рассчитывается число лет пребывания в бедности на протяжении этого периода. Хронически бедными в данном случае считаются те, кто был бедным на протяжении определенного числа лет в заданном интервале времени. Примером применения такой методики является расчет хронической бедности компанией Евростат: хронически бедными считаются те, чьи эквивалентные располагаемые доходы оказывались ниже 60% медианного дохода населения на протяжении, как минимум, двух лет из трех, предшествовавших опросу, а также в текущем году (Jenkins, Kerm, 2014).

В случае работы с компонентами бедности авторы исходят из того, что может быть проведена декомпозиция бедности, позволяющая выделить ее хроническую и ситуационную составляющие. Для этого оценивается средний уровень потребления домохозяйства на протяжении нескольких лет, который сравнивается с заданной линией бед-

ности. Если уровень потребления оказывается ниже выбранного порогового значения, домохозяйство, которое хотя бы в одном году было бедным, должно быть отнесено к числу хронически бедных. Если сглаженное потребление превышает значение линии бедности, домохозяйство считается бедным ситуационно (Jalan, Ravallion, 2000). Ряд авторов описывают аналогичное явление в терминах структурной и стохастической (stochastic) бедностей. Первая предполагает, что ниже заданного уровня оказываются как доход домохозяйства, так и набор ресурсов в его распоряжении, вторая – что ниже заданного уровня оказывается только доход. Авторы показывают, что представители второй группы более успешны в преодолении проблем, выталкивающих их за черту бедности (Dutta, Kumar, 2016).

Проведение панельных исследований требует данных за значительный отрезок времени, что существенно ограничивает возможности исследователей. Если европейские государства вполне могут проводить такие анализы, то у развивающихся стран подобных данных зачастую просто не существует (Gibson, 2001). Следствием этого является интерес исследователей к разработке подходов к измерению хронической бедности без привлечения панельных данных.

В числе таких подходов предложено использование (McKay, Lawson, 2003):

1) повторяющихся срезовых опросов для оценки структуры бедного населения, что позволяет выявить определенные группы населения, которые год от года остаются в числе малоимущих. Это позволяет сделать ряд выводов для решения задач в борьбе с хронической бедностью, однако не позволяет перейти при анализе на уровень индивидов и домохозяйств;

2) опосредованных показателей хронической бедности (глубину и многомерность). Такой подход основан на предположении о том, что длительное пребывание в бедности приводит к снижению объема ресурсов, имеющихся у человека или семьи. Кроме того, длительная бедность заставляет отказаться от привычного стиля жизни и стимулирует возникновение деприваций. Однако важно принимать во внимание следующее обстоятельство: хотя исследователям удалось показать, что между длительностью пребывания в бедности и степенью депривации домохозяйства есть связь, состав групп хронически бедных и бедных по депривациям значительно отличается (Whelan, Layte, Maître, 2003);

3) срезовых данных, содержащих показатели, на которые могла оказать влияние динамика материального положения. В качестве примеров такого подхода можно рассматривать исследования, где дефицит роста детей может свидетельствовать о длительном пребывании семьи ребенка в бедности. Однако здесь возникает проблема обоснования используемых взаимосвязей;

4) данных одного срезового исследования о материальном положении индивида или домохозяйства в различные периоды времени.

Альтернативный способ разделения бедности на хроническую и ситуационную разработал Дж. Гибсон (Gibson, 2001). Автор предлагает использовать масштабные срезовые данные, дополнив их небольшой панельной подвыборкой. После проведения нескольких повторяющихся опросов на подвыборке он предлагает экстраполировать полученные на ней результаты на всю выборку.

Завершая описание различных методик выделения хронически бедных, отметим, что, несмотря на возможности работы со срезовыми данными для оценки хронической бедности, наиболее прозрачными представляются расчеты на панельных данных. Как мы покажем далее, именно они приобрели наибольшую популярность среди отечественных исследователей при анализе длительности пребывания в бедности.

3. Методики выделения хронически и ситуационно бедных: опыт российских исследований

Несмотря на показанную нами вариативность подходов к анализу хронической бедности, в России работы, посвященные изучению этого вопроса, не столь разнообразны и выполнены в русле подходов, при которых к бедным относят тех, чьи доходы оказывались ниже черты бедности на протяжении заданного числа лет.

Чаще всего при исследовании бедности авторы обращаются к Российскому мониторингу экономики и здоровья населения (далее – РМЭЗ НИУ ВШЭ). Первые оценки длительной бедности проводились на данных мониторинга еще в конце 1990-х годов. Тогда были выделены: долгосрочно бедные – те, кто являлись бедными на протяжении всех трех лет; никогда не сталкивавшиеся с бедностью; улучшившие свое положение (*moved up*) – бывшие бедными один или два года, но вышедшие из бедности после этого; попавшие в бедность (*fell into poverty*) – повторно попавшие в бедность спустя один–два года после выхода из бедности; все остальные (*mixed*). При рассмотрении периода с 1994 по 1996 г. хронически бедными оказалось 17% индивидов. Авторы показали, что в ситуацию долгосрочной бедности чаще всего попадали представители больших домохозяйств и дети (Russia..., 1999).

В другом исследовании на основе РМЭЗ НИУ ВШЭ были даны оценки такому явлению, как длительная бедность. Используя волны 1994–1998 гг., автор классифицировал малоимущих по продолжительности пребывания в бедности (от года до четырех лет). Ему также удалось показать, что риски оказаться бедными на долгое время выше для семей с детьми, в то время как наличие в семье работающих взрослых и пенсионеров способствует более быстрому выходу из бедности (Спрысков, 2000).

Длительную, или хроническую, бедность исследовали и на более поздних данных РМЭЗ НИУ ВШЭ – за 2005–2011 гг. Авторы исследования выделяли группы бедных по доходам и лишениям в каждом году на

протяжении рассматриваемого периода. Находящиеся в бедности на протяжении 2–3 лет были отнесены к имеющим риски хронической бедности, более четырех лет – к хронически бедным. Авторам удалось показать, что только одна четверть всех россиян в период с 2005 по 2011 г. не имела опыта пребывания в бедности ни по доходам, ни по лишениям. К хронически бедным по обоим критериям были отнесены 14% всех жителей России (Тихонова, Слободенюк, 2014).

4. Эмпирическая база исследования

Опираясь на опыт отечественных авторов, в данной работе мы также используем данные РМЭЗ НИУ ВШЭ⁵ для оценок хронической бедности. В рамках мониторинга опросы проводятся ежегодно, начиная с 1992 г.; используется стратифицированная многоступенчатая территориальная выборка. Особенностью проекта является использование модели повторяющейся выборки с разделяющейся панелью, что делает доступным для каждого года использование как репрезентативных для страны, так и панельных данных. Уникальным преимуществом этого исследования является его панельная составляющая, которая дает возможность проследить изменения в материальном положении одних и тех же респондентов от года к году.

Отметим, что, как и другие панельные исследования, РМЭЗ не лишен недостатков. В числе таковых: недостаточность числа волн для проведения полноценного анализа, осыпание панели (ситуации, когда часть участников первоначальных опросов отказываются от дальнейшего участия), изменение состава домохозяйств–участников опроса, что делает несопоставимыми полученные по ним результаты.

Панельные данные активно используются в зарубежных исследованиях, при этом также уделяется внимание имеющимся ограничениям. Так, основываясь для анализа социальной исключенности на данных панельного исследования British Household Panel Survey, авторы, помимо описанных выше проблем, отмечают также высокий процент отказов от участия в исследовании, что дополнительно приводит к смещению выборки (Burchardt, Le Grand, Piachaud, 1999).

Дополнительно стоит отметить пример американского исследования – The Panel Study of Income Dynamics, проводимого с 1968 г. За это время менялся не только формат сбора данных (с личных интервью на телефонные), но и структура выборки (Grieger, Danziger, Schoeni, 2009). Однако его данные по-прежнему используются авторами для отслеживания динамики различных показателей в долгосрочной перспективе. В дополнение исследователи отмечают, что выборка в панельном исследовании смещена в сторону групп населения с относительно низкими доходами. Тем не менее считается возможным использовать материалы исследования для решения различных задач, связанных с оценкой хронической бедности (Duncan et al., 1998).

⁵ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый НИУ ВШЭ и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; см. сайты обследования (RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms> и <http://www.hse.ru/rhms>).

Отметим еще раз, что, несмотря на все ограничения, спектр работ, посвященных оценкам бедности на панельных данных, весьма широк, а полученные с их использованием результаты способствуют более глубокому пониманию проблемы хронической бедности. Это позволяет утверждать о допустимости использования панельных данных в нашем анализе.

Стоит отметить также некоторые особенности РМЭЗ НИУ ВШЭ как информационной базы для анализа уровня бедности. При использовании доступных на сегодняшний день данных РМЭЗ за 2017 г. доля бедного населения оказывается значительно выше показателей официальной статистики. При этом тенденция превышения уровня бедности по данным РМЭЗ над цифрами Росстата сохраняется на протяжении всего периода реализации проекта, что привело к различным стратегиям работы с данными. Исследователи, принимая существующие различия, использовали данные в том виде, в котором они доступны (Карабчук и др., 2013); применяли шкалы эквивалентности и корректировали показатели на различия в уровне цен в регионах (Воронин и др., 2013); оценивали уровень доходов в сравнении с доходом, приходящимся на единицу потребления (Богомолова, Тапилина, 2006). Работа на данных РМЭЗ продолжается: в рамках одной из наиболее актуальных публикаций авторы рассматривают вопросы использования шкал эквивалентности и их влияния на уровень бедности (Abanokova, Dang, Lokshin, 2020).

Для оценки уровня хронической бедности в международном контексте в данной работе объединяются методологические подходы, которые используют европейские страны, и опыт российской государственной статистики. Такое решение позволяет в значительной степени приблизиться к новой методике расчета уровня бедности, обсуждаемой сейчас на государственном уровне (предлагается от абсолютных оценок бедности перейти к относительным, сохранив размер прожиточного минимума, дифференцированный по основным социально-демографическим группам населения)⁶. Напомним, что Евростат относит к бедному населению тех, чьи эквивалентные располагаемые доходы составляют менее 60% медианного дохода населения. В этой работе не используются шкалы эквивалентности, однако мы заимствуем пороговое значение на уровне 60% медианы для отсечки бедности и опираемся на данные о располагаемых доходах.

Информационная база РМЭЗ НИУ ВШЭ содержит данные за период с 1994 по 2017 г.; глубина нашего анализа ограничена интервалом с 2006 по 2017 г. Численность опрошенных каждый год составляла от 14 до 22 тыс. человек: минимум – 14 027 в 2008 г., максимум – 22 532 в 2012 г. Отметим также, что число респондентов, включенных в анализ при оценке хронической бедности, в каждом году оказывается меньше объема выборки, так как для анализа необходимо непрерывное участие респондента в исследовании на протяжении рассматриваемого интервала времени.

⁶ Текст законопроекта см.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1027748-7>

5. Уровень хронической бедности в России

Как показано выше, подходы к определению хронически бедного населения значительно различаются даже при использовании панельных исследований. В нашей работе мы будем относить к хронически бедным тех, кто беден в текущем году, а также был бедным два или три года из трех лет, предшествующих опросу. Выбор такого определения обусловлен двумя причинами: во-первых, простотой восприятия (в противоположность работе с усредненным уровнем потребления), во-вторых, это же описание используется при определении хронической бедности в Европе. Такой подход позволит не только показать, какова численность хронически бедных в России, но и соотнести полученные результаты с показателями развитых европейских стран.

На рис. 1 показано, как соотносятся уровень относительной бедности в целом и хронической относительной бедности. Доля относительно бедных россиян достигла максимума в начале рассматриваемого периода в 2009–2010 гг., на это же время приходится один из самых высоких показателей хронической бедности. В целом же можно отметить, что тренды относительной и хронической бедностей близки.

Так как оценки на данных РМЭЗ несколько завышают уровень бедности, представляется целесообразным сфокусировать внимание не на уровне хронической бедности, а на доле хронически бедных в составе малоимущего населения. Как показано на рис. 1, около половины всех бедных являются хронически бедными. Минимальной их доля в составе малоимущих была в 2014 г. (50%), после чего постепенно увеличивалась и достигла максимума в 2017 г. (57%).

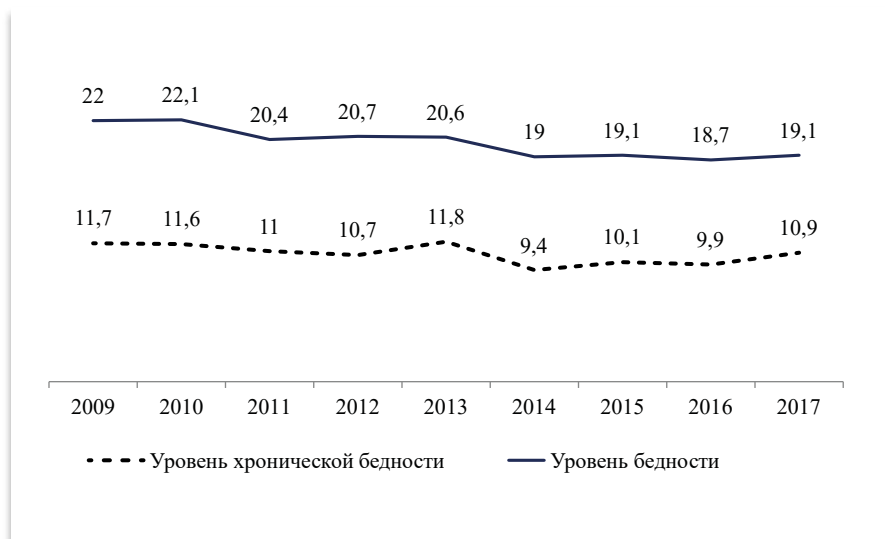

Рис. 1

Уровень относительной бедности и хронической бедности в России, 2009–2017 гг., %

6. Кто чаще всего беден хронически

Выше мы указывали на то, что зарубежным исследователям удалось показать, что хронической бедности сопутствуют те же факторы, что и бедности в целом. Чтобы оценить, воспроизводится ли эта тенденция и в нашей стране, посмотрим, кто чаще всего оказывается среди хронически бедных, а кто – среди бедных временно. А также сравним полученные данные с профилем малоимущих в целом⁷.

Хроническая бедность гендерно нейтральна: распределение по полу хронически бедного населения не отличается от распределения, полученного на выборке РМЭЗ в целом (см. таблицу).

В то же время риски бедности для представителей различных возрастных групп отличаются. Среди всех бедных и хронически бедных значительно выше доля тех, кому еще не исполнилось 18 лет. Эти данные подтверждают уже известный тезис о том, что на сегодняшний день самые высокие риски бедности отличают именно семьи с детьми (а значит, и дети). В то же время среди временно бедных доля несовершеннолетних ниже, и в целом их возрастной профиль ближе к общему распределению по выборке. Все три категории бедных характеризуются низкой долей пенсионеров.

Еще один фактор бедности, о котором часто говорят отечественные исследователи, уровень образования: лица, не имеющие вузовских дипломов, чаще остальных оказываются среди малоимущих. Чтобы избежать перекосов в сторону не имеющих образования из-за наличия в выборке детей, рассмотрим только тех, кому на момент опроса уже исполнилось 18 лет. Четверть хронически бедных в 2017 г. имели неполное среднее образование (среди всех опрошенных – 14%, среди всех бедных – 20%). В то же время нельзя не отметить, что, даже имея высшее образование, россияне не лишены шансов надолго попасть в категорию бедных: 11% всех хронически бедных имеют высшее образование. Среди временно бедных доля имеющих высшее образование еще выше – 21%.

Анализ статуса занятости демонстрирует, что среди хронически бедных более высока доля незанятых граждан, что также соответствует уже описанному исследователями портрету бедного населения.

Завершая описание профилей хронически бедного населения, стоит отметить также роль места жительства в повышении рисков бедности. Данные, приведенные в таблице, показывают, насколько выше доля сельских жителей среди хронически бедного населения в сравнении с показателями для всех опрошенных: 56 против 25% среди выборки в целом. Доля жителей Москвы и Санкт-Петербурга в составе хронически бедного населения, наоборот, почти отсутствует.

Место жительства в наибольшей степени дифференцирует временно бедное население: так, в их составе относительно высока доля жителей региональных центров (27%) и ниже доля сельских жителей (36%).

⁷ Для построения профилей хронически и временно бедных использованы данные РМЭЗ за 2017 г. К хронически бедным отнесены те, кто был беден в 2017 г., а также на протяжении двух или трех лет в 2014–2016 гг. К временно бедным отнесены те, кто был бедным в 2017 г. и не попал в категорию хронически бедных.

Завершая описание профилей хронической и преходящей (временной) бедности, стоит отметить, что отличительные особенности хронически и временно бедных представителей населения во многом сходны и соответствуют тому, что уже известно о профиле бедности в России в целом. Наиболее заметны различия по возрасту, месту проживания и уровню образования. Если хроническая бедность — удел сель-

Таблица

Распределение по социально-демографическим характеристикам всех опрошенных в рамках РМЭЗ и различных категорий бедных, 2017 г.

Показатели	Все опрошенные, %	Бедные (абсолютный подход), %	Хронически бедные, %	Временно бедные, %
Пол				
Женский	56	55	56	55
Мужской	44	45	44	45
Возраст				
Менее 18 лет	23	38	38	26
18–29 лет	14	14	11	14
30–64 года	49	44	45	52
65 лет и старше	15	4	6	7
Семейное положение (только для лиц 18 лет и старше)				
Холост/не замужем	15	17	15	13
Женат/замужем	64	67	69	69
Разведен (а)	9	9	6	8
Вдовец/вдова	12	7	10	8
Образование (только для лиц 18 лет и старше)				
Неполное среднее	14	20	25	18
Общее среднее	31	39	42	36
Среднее специальное (ПТУ или техникум)	27	24	23	25
Высшее	28	17	11	21
Занятость (только для лиц 18 лет и старше)				
Занятые	57	52	47	52
Незанятые	43	48	53	48
Место проживания				
Москва и Санкт-Петербург	11	10	1	3
Региональные центры	31	18	7	27
Город	34	30	36	35
Село	25	42	56	36

Источник: расчеты авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

ских жителей, то временно бедные чаще оказываются в числе жителей крупных городов. И если хронической бедности зачастую сопутствует низкий уровень образования, то до одной пятой всех попавших в бедность на короткое время имеют высшее образование, что косвенно подтверждает высказанное выше мнение о том, что пребывание в бедности имеет для них временный характер, связанный с какими-то событиями, влекущими за собой временное снижение доходов. При этом хроническая бедность в большей степени затрагивает несовершеннолетних, чем преходящая бедность.

7. Хроническая бедность в России и странах Европы

Посмотрим теперь, насколько типична ситуация, характеризующая уровень хронической бедности в России. Для этого обратимся к оценкам уровня хронической бедности в странах Европы. Евростат регулярно делает оценки хронической бедности, что дает возможность получить представление об ее уровне за рубежом, а также и сопоставить российские реалии с ситуацией в других странах.

Доля бедных и хронически бедных жителей ЕС с 2010 по 2017 г. оставалась стабильной. Примечательно, что хронически бедное население составляет более половины всех малоимущих (64% в 2018 г.). Минимальное значение этого показателя было достигнуто в 2011 г. (58%) (рис. 2).

Напомним, что российская хроническая бедность, как и бедность в целом, в это же время менялась более значительно, что позволяет предположить, что колебания в уровне хронической бедности во многом являются отражением динамики доли малоимущего населения в целом.

При этом доля хронически бедного населения в странах ЕС серьезно различается. Так как для России наиболее актуальные данные о хронической бедности отражают ситуацию на 2017 г., рассмо-

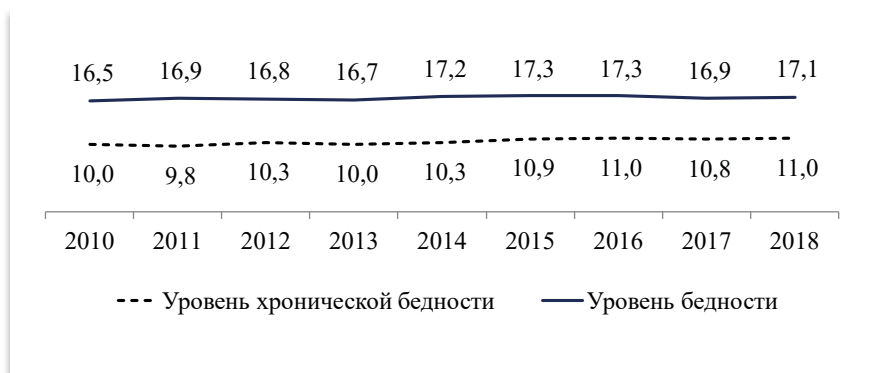

Рис. 2

Динамика уровня бедности и хронической бедности в ЕС, 2010–2018 гг., %

Источник: данные Евростата.

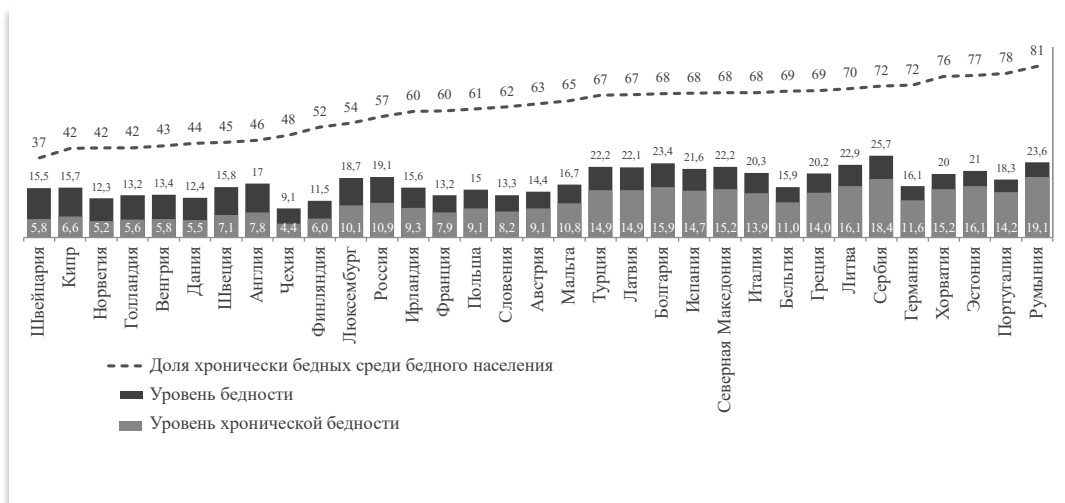

Рис. 3

Уровень бедности и хронической бедности в странах ЕС и России, 2017 г., %

Источник: данные Евростата и расчеты авторов на данных РМЭЗ.

трим распределение стран по уровню бедности за тот же год (рис. 3). Лидером по доле хронически бедного населения среди всех жителей ЕС является Румыния, где этот показатель достигает 19,1%; наиболее позитивная ситуация отмечается в Чехии, где доля хронически бедных составила 4,4% в 2017 г.

Больший интерес представляет соотношение доли хронически бедного и временно бедного населения. Измеренное на данных РМЭЗ с использованием методологии ЕС, это соотношение демонстрирует, что Россию отличает более низкая доля хронически бедных в составе малоимущего населения в сравнении с ЕС в целом. В то же время при ранжировании отдельных стран по доле хронически бедных в составе малоимущего населения Россия занимает позицию в середине списка, оказываясь в окружении Люксембурга (54% хронически бедных среди всех бедных), Ирландии (60%) и Франции (60%). Наименьшая доля хронически бедных среди всех малоимущих характеризует Швейцарию (37%), наибольшая — Румынию (81%).

Несмотря на попытку применить единый подход к определению хронически бедного населения, возможности сопоставления данных об уровне хронической бедности в России и странах Европы ограничены, так как в основе расчетов лежат разные базы данных. Но даже с учетом всего сказанного, нельзя не отметить, что не менее половины всех малоимущих долгое время не могут преодолеть бедность, что свидетельствует о необходимости уделить им особое внимание при разработке мер социальной поддержки.

Заключение

Проблема бедности не теряет своей актуальности как в контексте научных исследований, лежащих в плоскости социальной политики, так и в повестке программных решений, разрабатываемых правительствами и экспертными группами в разных странах современного мира.

Однако состав группы бедных нельзя считать однородным. Так, в составе бедных можно выделить хронически и временно бедных. Доходы первых долгое время сохраняются на уровне ниже прожиточного минимума, в то время как преходящая бедность часто связывается с какими-то событиями, играющими роль триггеров, выталкивающих людей за черту бедности. Когда такого рода события удается преодолеть, человек или домохозяйство покидают ряды малоимущих.

Для исследователей анализ хронической и преходящей бедностей представляет определенные трудности: оптимальным инструментом для него служит работа с панельными данными, однако она же имеет ограничения. Выборка таких обследований смещена в сторону более бедного населения, меняется состав домохозяйств-участников, респонденты отказываются продолжать участвовать в опросах и т.д. Однако зарубежный опыт свидетельствует в пользу работы с такими данными.

В представленной статье дана характеристика уровня и профилей хронической бедности на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за период с 2009 по 2017 г. Проведенный анализ показал, что около половины всех российских малоимущих являются хронически бедными, что несколько меньше, чем в европейских странах.

При этом имеющиеся данные подтверждают выводы, сделанные зарубежными исследователями: портрет хронически бедного населения во многом совпадает с профилем бедного населения в целом. Однако и профиль преходящей бедности отличается от него незначительно. Исключением является распределение по месту жительства и уровню образования хронически и временно бедных: если среди первых высока доля сельских жителей, то среди вторых много тех, кто проживает в крупных городах и имеет высшее образование.

Исследование позволило получить представление о динамике доли хронически бедного населения в России в 2000-е годы, а также показать, какие группы населения чаще всего сталкиваются с рисками хронической бедности. Однако принимая во внимание множество подходов к оценке длительности пребывания в бедности, нельзя не отметить, что вопрос заслуживает дальнейшего внимания и использования различных инструментов для подтверждения полученных результатов. Тем не менее полученные результаты позволяют еще раз осветить проблемы самых уязвимых групп – семей с детьми, проживающих в сельской местности и имеющих низкий уровень образования (именно они зачастую оказываются в числе хронически бедных), что должно стать поводом для развития программ социальной помощи данным группам

населения. Тот факт, что половина всех малоимущих пребывают в бедности постоянно, может стать барьером для снижения бедности в два раза, заявленного в качестве одной из национальных целей РФ, а следовательно, для ее достижения необходимы дополнительные меры поддержки, ориентированные на хронически бедное население.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.** (2006). Бедность в современной России: измерение и анализ // *Социология 4М*. № 22. С. 90–113. [**Bogomolova T.Yu., Tapilina V.S.** (2006). Poverty in modern Russia: Measurement and analysis. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*, 22, 90–113 (in Russian).]
- Воронин Г.Л., Киселева И.П., Козырева П.М., Косолапов М.С., Нафигина К.О., Низамова А.Э., Смирнов А.И., Соколова С.Б.** (2013). Социально-экономическое поведение российских домохозяйств (по данным RLMSHSE, 1992–2011) // *Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE)*. № 3. С. 7–102. [**Voronin G.L., Kiseleva I.P., Kozyreva P.M., Kosolapov M.S., Nafigina K.O., Nizamova A.E., Smirnov A.I., Sokolova S.B.** (2013). Socio-economic behavior of Russian households (based on RLMS HSE data, 1992–2011). *Bulletin of Russian Longitudinal Monitor Survey NRU HSE (RLMS–HSE)*, 3, 7–102.
- Гордон Л.А.** (1994). Четыре рода бедности в современной России // *Социологический журнал*. № 4. С. 18–35. [**Gordon L.A.** (1994). Four kinds of poverty in modern Russia. *Sociological Journal*, 4, 18–35 (in Russian).]
- Карабчук Т. С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э.** (2013). Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // *Мир России*. № 1. С.155–75. [**Karabchuk T.S., Pashinova T.R., Soboleva N.E.** (2013). Poverty of Russian households: What we know about it from RLMS database. *Universe of Russia*, 1, 155–75 (in Russian).]
- Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Попова Д.О., Варданян Е.Г.** (2014). Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней. М.: НИУ ВШЭ. [**Ovcharova L.N., Biryukova S.S., Popova D.O., Vardanyan E.G.** (2014). *Poverty level and poverty profile in Russia: From 1990 to nowadays*. М.: NRU HSE (in Russian).]
- Спрысков Д.С.** (2000). Устойчивая бедность в России. М.: Российская экономическая школа. [**Spryskov D.S.** (2000). *Persistent poverty in Russia*. Moscow: New Economic School (in Russian).]
- Тихонова Н.Е.** (2014). Феномен бедности в современной России // *Социологические исследования*. № 1. С. 7–19. [**Tikhonova N.E.** (2014). Poverty phenomenon in contemporary Russia. *Sociological Studies*, 1, 7–19 (in Russian).]
- Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д.** (2014). Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 36–49. [**Tikhonova N.E., Slobodenyuk E.D.** (2014). Heterogeneity of Russian poverty through the lens of deprivation and absolute approach. *Social Sciences and Contemporary World*, 1, 36–49 (in Russian).]

- Abanokova K., Dang H., Lokshin M.** (2020). The Important role of equivalence scales: Household size, composition, and poverty dynamics in the Russian Federation. *World Bank Policy Research Working Paper 9270*.
- Baulch B., Hoddinott J.** (2000). Economic mobility and poverty dynamics in developing countries. *The Journal of Development Studies*, 36 (6), 1–24.
- Burchardt T., Le Grand J., Piachaud D.** (1999). Social Exclusion in Britain 1991–1995. *Social Policy & Administration*, 33 (3), 227–44.
- Carter M., Barrett Ch.** (2006). The economics of poverty traps and persistent poverty: An asset-based approach. *Journal of Development Studies*, 42 (2), 178–99.
- Duncan G., Jean Yeung W., Brooks-Gunn J., Smith J.** (1998). How much does childhood poverty affect the life chances of children? *American Sociological Review*, 63 (3), 406–423.
- Dutta S., Kumar L.** (2016). Is poverty stochastic or structural in nature? Evidence from Rural India. *Social Indicators Research*, 128 (3), 957–979.
- Gibson J.** (2001). Measuring chronic poverty without a panel. *Journal of Development Economics*, 65 (2), 243–266.
- Grieger L., Danziger Sh., Schoeni R.** (2009). Accurately measuring the trend in poverty in the United States using the Panel Study of Income Dynamics // *Journal of Economic and Social Measurement*, 34, 105–117.
- Hick R., Lanau A.** (2018). Moving in and out of in-work poverty in the UK: An analysis of transitions, trajectories and trigger events. *Journal of Social Policy*, 47 (4), 661–682.
- Jalan J., Ravallion M.** (2000). Is transient poverty different? Evidence for Rural China. *Journal of Development Studies*, 36 (6), 15–25.
- Jenkins St., Kerm Ph. van** (2014). The relationship between EU indicators of persistent and current poverty. *Social Indicators Research*, 116 (2), 611–638.
- Laderchi C., Stewart Fr., Saith R.** (2003). Does it matter that we do not agree on the definition of poverty? A comparison of four approaches. *Oxford Development Studies*, 31 (3), 243–274.
- Mckay A., Lawson D.** (2003). Assessing the extent and nature of chronic poverty in low income countries: Issues and evidence. *World Development*, 31 (3), 425–439.
- Obućina O.** (2014). Paths into and out of poverty among immigrants in Sweden. *Acta Sociologica*, 57 (1), 5–23.
- Russia (1999). *Russia – targeting and the longer-term poor*. Vol. 1: Main report (English). World Bank.
- Whelan Ch., Layte R., Maître D.** (2003). Persistent income poverty and deprivation in the European Union: An analysis of the first three waves of the European Community Household Panel. *Journal of Social Policy*, 32 (1), 1–18.

Поступила в редакцию 24.08.2020

Received 24.08.2020

A.I. Pishnyak

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

N.V. Khalina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

E.A. Nazarbaeva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

A.R. Goriainova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

The level and the profile of persistent poverty in Russia⁸

Abstract. Experts who work on the poverty issues agree that the group of poor is very heterogeneous. Based on duration of living below the subsistence level, authors identify persistent and transitory poverty. Income of those who face persistent poverty stays below the poverty line for a long time, while those who suffer from transitory poverty have unstable situation: after overcoming poverty for some time many of them can face the problem of low income again. Different methods exist for evaluating of the level of persistent and transitory poverty on both panel and cross-sectional data. The article presents the detailed description of advantages and limitations of different approaches to persistent poverty measurement. After consideration of these approaches the analysis of persistent poverty in Russia on RLMS HSE data is performed. Taking into account the huge set of previous studies we evaluate the share of persistently poor population according to methodology adopted in European countries, the profile of persistent poverty is also described. The results are compared with already existing data about chronic poverty in Europe.

Keywords: *poverty, persistent poverty, chronic poverty, transitory poverty, panel studies, income, social policy.*

JEL Classification: C00, R20, I32.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-50-2-3

⁸ The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2021.